

МАТЕРИАЛЫ «СТОЧИКОВСКИХ ЧТЕНИЙ»¹

УДК 614.446
DOI: 10.25742/NRIPH.2021.03.001

АКАДЕМИК ЗАХАРИЙ ФРЕНКЕЛЬ: ДРАМЫ И УРОКИ ЗЕМСКОЙ ЭПИДЕМИОЛОГИИ (50 ЛЕТ СО ДНЯ КОНЧИНЫ)

Щербо А.П.¹

¹ Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ключевые слова:

история медицины, российская земская медицина, академик Захарий Френкель.

Аннотация

В статье представлены сведения о первых годах работы будущего академика в качестве врача Обуховской больницы в Петербурге, где началась и его общественная работа как начинающего социал-демократа. Затем – в качестве земского врача в Новой Ладогe, где свирепствовали эпидемии натуральной оспы, холеры и других инфекционных болезней. Представлены драматические эпизоды его героической борьбы с эпидемиями, поучительные и для настоящего времени. В сложных условиях активного противодействия местного населения прививкам от оспы, молодой врач сам перенёс заболевание натуральной оспой, но всё-таки смог организовать успешную прививочную работу в своём уезде. Весьма тяжёлой в уезде была ситуация с заболеваемостью холерой. Очаги холеры регистрировались вдоль водных путей сообщения. Там селились рабочие, обслуживающие перемещение грузов по воде. Опыту борьбы с эпидемиями Френкель посвятил и свои первые научные публикации.

ACADEMICIAN ZACHARY FRENKEL: DRAMAS AND LESSONS OF ZEMSTVO EPIDEMIOLOGY (50 YEARS SINCE HIS DEATH)

Shcherbo A.P.¹

¹ North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Saint-Petersburg, Russian Federation

Keywords:

history of medicine, Russian zemstvo medicine, academician Zachary Frenkel.

Abstract

The article presents information about the first years of the future academician's work as a doctor at the Obukhov Hospital in St. Petersburg, where his social work as a novice social democrat also began. Then – as a zemstvo doctor in Novaya Ladoga, where epidemics of smallpox, cholera and other infectious diseases raged. The dramatic episodes of his heroic struggle against epidemics, instructive for the present time, are presented. In the difficult conditions of the active opposition of the local population to vaccinations against smallpox, the young doctor himself suffered from smallpox, but still managed to organize a successful vaccination work in his county. The situation with the incidence of cholera was very difficult in the county. Cholera outbreaks were recorded along the waterways. There were workers who settled there, servicing the movement of goods by water. Frenkel also devoted his first scientific publications to the experience of fighting epidemics.

¹ Журнал начинает публикацию материалов «Сточиковских чтений» 2021 года.

Первую половину своей 100-летней жизни З.Г. Френкель прожил в теперь уже далекой от нас эпохе – в дореволюционной России. Она вместила необыкновенно много – его светлое детство в украинской глубинке под Черниговом в дружной многодетной семье, гимназию в Нежине, Московский университет, первый арест и Бутырку, высылку из Москвы под полицейский надзор, Дерптский (Тартусский) университет, врачебную практику терапевта, психиатра, акушера-гинеколога, инфекциониста, эпидемиолога, санитарного врача в Петербургском, Новгородском, Вологодском и Костромском земствах, избрание депутатом 1-ой Государственной Думы, арест и Костромскую тюрьму за подписание Выборгского воззвания, деятельность члена ЦК партии конституционных демократов, участие в боях Первой мировой войны, работу в структурах Временного правительства в качестве заместителя председателя Центрального врачебно-санитарного совета, избрание в октябре 1917 г. членом Временного Совета Российской Республики (Предпарламента), и, чуть позже, – в состав Учредительного Собрания страны.

Вторая, не менее насыщенная половина жизни З.Г. Френкеля была посвящена, главным образом, науке в ее удивительно широком спектре: это социальная и коммунальная гигиена, организация здравоохранения, эпидемиология и инфекционные болезни, статистика и демография, история медицины и геронтология, обществоведение и философия, музееведение и, кроме того, постоянная общественная деятельность. И при этом – тяжелейшие двадцатые годы, разгром его отдела в Музее Города, арест и тюрьма на Шпалерной в конце тридцатых, война и блокада Ленинграда и в этот период – главный труд, монография «Удлинение жизни и активная старость», высокие звания академика и заслуженного деятеля науки, государственные награды, широкое признание и воистину плодотворная активная старость в окружении учеников и близких [1; 2].

Даже этот самый беглый жизненный пунктир являет нам человека необыкновенной судьбы, полной драматических событий, противоречий, преодоления и постоянного труда, человека, выдающегося во всех отношениях, память о котором должна сохраниться на долгие годы. Ведь недаром, уже в наши дни, в период становления нового парламентаризма в России, издательством

«Муниципальная власть» была опубликована его книга «Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией», впервые изданная в 1919 году, но и сегодня актуальная, как никогда.

В январе 1896 года, завершив обучение в Дерпте и получив диплом врача, Захар приехал в Петербург. Для приобретения опыта он предполагал поработать в какой-нибудь больнице, чтобы затем отправиться трудиться в земство. Удалось устроиться палатным врачом в знаменитую Обуховскую больницу на Фонтанке (кстати, одновременно с И.И. Грековым, которому в будущем предстояло стать её главным врачом). А тогда главным был Александр Афанасьевич Нечаев, руководивший больницей 37 лет (до 1922 года, когда больницу после его смерти возглавил И.И. Греков) и сделавший её крупнейшим центром не только практической, но и научной медицины.

Захар был бесплатным сверхштатным ординатором, а его обязанности при этом, как и у других его молодых коллег, бесплатных тружеников в соседних палатах, были достаточно ответственными. Результаты осмотров, обследований, анализов больных при обходах докладывались А.А. Нечаеву, который одновременно заведовал и терапевтическим отделением. Диагнозы давались Захару нелегко, хотя он, с присущей ему дотошностью, практиковал систематическое и подолгу погружение в руководства, справочники и консультации с более опытными докторами.

Несмотря на трудный врачебный старт, Захар находил время и для привычной ему общественной работы: будучи введённым в один из рабочих кружков, по вечерам и выходным он стал заниматься с небольшой группой политэкономией, в частности, по появившимся трудам Г.В. Плеханова и его единомышленников. Довольно частыми стали его доклады на различных собраниях – их темами были рабочее движение в передовых странах, историческая роль рабочего класса, основы социал-демократии.

Общественная деятельность и бесплатная работа в больнице, понятно, доходов не давали, и Захар обратился за помощью к И.А. Дмитриеву – руководителю санитарного отдела Петербургской Земской управы, с которым жизнь его свяжет на долгие годы. Иван Андреевич в тот период стал издавать «Общественно-санитарное обозрение» и поручил Захару готовить для этого журнала об-

зоры из зарубежных изданий. С этой работой молодой доктор успешно и с увлечением справлялся, а два-три десятка рублей в месяц уже давали возможность обедать хотя бы через день. Именно тогда, впервые по-настоящему углубившись в вопросы общественной медицины, увидев большой «земский» потенциал в её развитии в России, Захар, уже зрелый молодой человек (ему 27 лет), почувствовал, что это – его дело.

Однако была одна проблема: по Российским законам Захар должен был получить «распределение» – государственное направление на работу «куда пошлют» – по полтора года за каждый год получения казённой стипендии в университете (отчего-то подобная норма, законная и эффективная при «проклятом царизме», всё никак, несмотря на крайнюю её необходимость, не укоренится в нашем современном государстве). За четыре года получения стипендии в Дерпте Захару «светили» шесть лет работы по назначению уездным врачом в городке Новгород-Волынский под Житомиром.

Однако И.А. Дмитриеву удалось его «отхлопотать». Но не на райские хлеба, как это бывает сегодня, а всего лишь в пользу назначения в Петербургское земство санитарным врачом по дальнему Новолодожскому уезду. Главными аргументами, без которых никакие хлопоты не сработали бы, были свирепствовавшие там эпидемии натуральной оспы и сыпного тифа.

Расставание с Петербургом не радовало Захара, но мнением и заботами И.А. Дмитриева он очень дорожил; много позже замечал: «...не без горечи видел правоту Ивана Андреевича» в том, что при земстве перед ним откроется «возможность вести полезную для населения работу вне бюрократических пут, проявлять общественный почин, знакомиться и изучать условия народной жизни» [1, с. 84–89; 2, с. 127–135].

Напомним, что земская реформа Александра II учредила новую выборную форму общественного управления – земства. В «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года утверждалось, что «для заведования делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда, образуются губернские и уездные земские учреждения». Эти учреждения стали формироваться путём выборов, на основе многосословного принципа, с учётом имущественного

состояния [3, с. 7–9; 4, с. 163–181].

Крупнейший специалист в области административного права, профессор Матвей Дмитриевич Загряцков (1873–1957) после февральской революции 1917 года, которую он горячо принял (привожу в современной орфографии. – Автор.): «Уже 60 лет назад в России обнаружилось, что великим государством нельзя управлять посредством приказов из одного Петрограда. В 1853–56 гг. Россия вела неудачную войну с европейскими державами и военные неудачи показали, что весь самодержавный и крепостной порядок тогдашней России подгнил и что необходим ряд демократических изменений строя (реформ), чтобы воскресить страну. В 1861 году крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, и получили право самостоятельного заведования своими делами, в 1864 году введён независимый суд и земское самоуправление (в 1870 г. – городское), основанное на избрании местным населением своих представителей. Таким образом, в наш исторический строй был вбит клин: наряду со старой исторической властью милостью Божией образовалась новая демократическая власть, черпающая свои полномочия в народном избрании. Между старым и новым порядком началась борьба, которая после недолгого торжества старых начал (земская реформа 1890 г.), в 1905–17 гг. кончилась победой демократии. Земство победило опричнину [5, с. 3–12]. И дальше в этой работе 1917 года М.Д. Загряцков замечает: «Земство демократизировало медицину, оно приблизило врачебную помощь к деревне, создало больницы, обеспечило деревню лекарствами и, кроме того, положило начало общественной борьбе с эпидемиями».

Вспомним и ещё одно, незаслуженно забытое имя – Николай Николаевич Блинов (1839–1917) – этнограф, педагог, писатель, общественный деятель, священник, автор книги «Земская служба» (1887). В более поздней работе «Земство за полвека» автор отмечает: «До земства на целые уезды имелось по одному врачу, по одной больнице в городе. Врач всегда находился в разъездах для вскрытия мёртвых тел людей, несчастно умерших. Да он и мало знал врачебное дело: всё забыл из-за своей должности. Больницы стояли полуразвалившиеся, неустроенные, холодные и слабо обставленные. Население боялось таких больниц, они казались хуже тюрьмы. Принимали

в них только солдат и арестантов. Лечение поручалось фельдшеру, нигде не учившемуся, у него и лекарств-то не было. В деревнях прежде лечили знахарки и колдуны. Земство пришло к народу, к болящим людям, с действительной помощью, дав настоящих докторов – образованных врачей, отдавшихся своему делу – врачеванию с любовью. Во всех уездах строились больничные здания. Аптеки снабжены теми же лекарствами, которые прежде были доступны только в городах состоятельным людям. Земский врач должен был не только лечить, давать лекарство; по необходимости он учил деревенских жителей, объяснял, как надо себя держать в той или другой болезни, снисходил к слабости больных, рассказывал, отчего приключилась болезнь, указывал на грязь помещений и дворов в деревнях, приучал к осторожности в обращении с заразными больными, тифозными, оспенными и др. [6, с. 3–27].

Н.Н. Блинов, который проработал всю жизнь в Вятской губернии, отмечал, что в Вятке открыты фельдшерские школы с акушерскими отделениями, а в каждой больнице в уездах *«подготавливались фельдшера, фельдшерицы, акушерки, оспопрививатели. К началу XX века вместо десяти до земских больниц в губернии имелось более 60 больниц и приёмных покоев (с 1400 кроватями), 78 земских врачей, 280 фельдшеров и фельдшериц».*

Об этих будущих успехах земской медицины Захар Френкель, понятно, знать не мог, когда получил назначение в Новую Ладугу. На дворе ещё только 1896 год. Две недели он готовился к переезду, читал труды, отчёты и инструкции земских врачей, запасался необходимой литературой, руководствами, и попутно обдумывал, как проехать зимой 150 вёрст до места назначения – у него не было зимней одежды. Ему повезло – подвернулся «обратный» извозчик с крытыми санями, который за умеренную плату доставил Захара по тракту до Шлиссельбурга, и дальше, – по льду Староладожского канала ещё 100 вёрст, – до Новой Ладogi. Захар знал, что Старый и Новый каналы были проложены по берегу Ладogi (Старый – дальше от берега) для «не морского» судоходства – неприспособленным судам в бурной Ладогe делать было нечего. Летом по каналам непрерывно шли баржи с грузами, часто на конной тяге, в оба конца: от Шлиссельбурга в Новую Ладугу и обратно. Зимой же, по льду на санях, можно было добраться до Новой Ладogi, с петровских времён расположив-

шейся на Приладожской низине, на полуострове Медведец, в месте впадения Волхова в Ладожское озеро.

Эпидемическая обстановка в Новой Ладогe и окрестностях была хуже, чем предполагал Захар. Его предшественник по должности санитарного врача, темпераментный серб Илич, отчаявшись справиться с эпидемией оспы ввиду категорического отказа населения от прививок, оставил должность, продолжив здесь работу в качестве вольноопределяющегося врача. Захар выяснил, что население окрестных посёлков Немятое, Глярково и других поселений отказывается от прививок по религиозным соображениям: старообрядческие законы и жёсткая дисциплина староверских общин препятствовали борьбе с эпидемией – дескать, «воспица» от Бога и борьба с ней – неискупимый грех.

Вопреки протестам доброжелательного Илича, Захар поселился среди старообрядцев в Немятом и стал терпеливо обходить дом за домом в поисках хоть какого-то позитивного отклика на предложение привиться. Был очевидный риск не только заражения, но и возможных физических выпадов со стороны фанатически настроенной части общины. Оказалось, что некоторые родители всё-таки были согласны привить уцелевших от оспы детей, но боялись гнева суровой руководительницы общины. Захару стало ясно, что возможный успех его миссии в том, сумеет ли он переубедить непреклонную почтенную женщину.

В тяжёлом разговоре с ней Захар нашёл убедительный, и едва ли не единственный в этой ситуации аргумент: если оспа от Бога, то и всё вокруг от Бога, в том числе и средства борьбы с болезнью, и негоже верующему препятствовать этому Божьему промыслу. Мы не знаем, какие ещё слова нашёл Захар, но в конце их нелёгкой беседы матушка заявила: *«Да уже сказывали, что тебя не переспоришь!».*

Это была первая реальная победа гигиениста Френкеля; постепенно он провёл все необходимые противоэпидемические мероприятия не только в Немятове, но и в Гляркове, Низине и других населённых местах. Эпидемия пошла на спад.

Борьбе с оспой оказалась посвящена и первая эпидемиологическая работа Захара, опубликованная в восьмом номере «Вестника общественной гигиены» за 1897 год. Оспопрививанию Захар Григорьевич посвятит, много позднее, значитель-

ное место в «Очерках земского врача», увидевших свет в 1913 году.

О начале своей деятельности в качестве санитарного врача Захар Григорьевич вспоминал так: *«Мне кажется, что успехи мои в оспопрививании у старообрядцев приладожских посёлков вытекали не только из моей искренней заинтересованности и убеждённости в пользе и необходимости этой меры, достигались не только тем, что я с увлечением, не утомляясь повторениями и внося много драматизма, рассказывал историю эпидемий натуральной оспы, о калечении ею людей, становившихся от оспы нередко слепыми, рассказывал историю открытия оспопрививания и борьбы за его признание и распространение. Успеху содействовало, главным образом, то, что я всегда переживал горе и болезни других людей, как свои собственные. Не было, а потому и проявиться не могло, выделения себя над окружающими, ощущения, что это чужая беда людей, которые в чём-то по своим понятиям, по своим примитивным условиям ниже меня. Этого чувства у меня никогда не было, я его просто не понимаю. Поэтому, мне кажется, мои наставления, мои иногда горькие, а подчас и жёсткие упрёки и проповеднические призывы принимались людьми без обиды, без неприязни и озлобления, вытекающих обычно из естественного желания человека отстоять себя»*. Весьма актуальные слова и сегодня.

Здесь нельзя не привести по-своему критический эпизод, достойный известных читателю летописей драматической медицины. Летом 1896 года Захара позвали посмотреть тяжело больную оспой девочку. Ситуация, увы, уже была безнадежной – это был случай «чёрной» геморрагической оспы, уже встречавшийся Захару во время этой эпидемии. Очищая рот больной пальцем, он слегка оцарапал руку об изголовье кровати. Царапину он дома обработал, однако на двенадцатый день всё же заболел – истёк инкубационный период натуральной оспы.

Температура тела больного перешагнула отметку сорок градусов, и Захар на двое суток потерял сознание. Когда очнулся, сиделка сообщила, что был участковый врач, который по густой точечной сыпи диагностировал оспу. Вскоре сыпь исчезла, из чего Захар сделал вывод, что перенёс лёгкое заболевание оспой, и что несколько прививок, которые он себе сделал, обеспечили спаси-

тельный эффект.

Не менее тревожной в Новоладожском уезде была ситуация с заболеваемостью холерой, очаги которой регистрировались вдоль водных путей сообщения – по берегам каналов и рек, где селились рабочие, так или иначе связанные с перемещением грузов по воде. Губернское земство, озабоченное предотвращением эпидемии, поручило Захару обследование всех мест концентрации рабочих с составлением санитарного описания условий их труда и быта, численности работников, и самой многочисленной и рискованной их группы – погонщиков, их половозрастного состава и других, важных для профилактики обстоятельств.

Нет нужды говорить, с какой удручающей картиной столкнулся Захар; невероятная скученность в местах ночлегов, отсутствие постельных принадлежностей, жуткое состояние дворов и навесов для лошадей, тянувших баржи по каналам, нередкие сибирская язва и сыпной тиф.

В отчёте, который З.Г. Френкель направил в губернскую земскую управу, была дана подробная картина существования судовых рабочих, погонщиков, рабочих по сплаву леса с предложениями неотложных профилактических мер. Таковыми, кстати, Захар не считал только создание на время навигации небольших временных больниц, что без особого успеха практиковалось до сих пор; он был убеждён, что только разработки большого всестороннего плана санитарно-противоэпидемических мер и его реализация может способствовать нормализации обстановки в прибрежных зонах Волхова, Сяси, Ояти, Паши и других водных объектов.

Надо признать, что Захар был услышан: вскоре он получил из губернской управы предписание сопровождать созданную, в том числе и по его сигналу, высокую правительственную комиссию, которой предстояло убедиться в обоснованности тревог, обусловленных эпидемической ситуацией. В составе комиссии был ученик Эрисмана Михаил Семёнович Уваров, глава санитарной службы Московской земской управы. Он с удовлетворением слушал пояснения молодого земского врача Захара Френкеля, который на каждой стоянке парохода, зафрахтованного комиссией, будь то в Новой Ладоге, Сясьских Рядках или на реке Паше, показывал и рассказывал членам комиссии много поучительного: *«Я показывал, как хорошо мне известны, все закоулки и задние дворы с на-*

весами и сараями для погонщиков, с харчевнями и постоянными дворами... Я всё это осматривал и обследовал в течение двух-трёх предшествующих месяцев не только по долгу службы, а как человек, захваченный интересом к изучению развёртывающегося передо мной непосредственного примера эксплуатации рабочих».

К сожалению, после разгона большевиками в ноябре 1917 года Учредительного собрания, призванного определить государственное устройство России, земства, вместе с земской медициной, прекратили своё существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербо А.П. Захарий Григорьевич Френкель. Жизнь длиною в век / А.П. Щербо. – СПб.: Издательство СПб МАПО, 2009. – 584 с.
2. Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / З.Г. Френкель. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 696 с.
3. Щербо А.П. Наш современник Захар Френкель – подвижник народного самоуправления (к его статье в «The Times») / А.П. Щербо // Академик АМН СССР Захарий Григорьевич Френкель. 140 лет со дня рождения: материалы мемориальной научной конференции 18 декабря 2009 года. – СПб.: СПб МАПО, 2009. – С. 7–9.
4. Френкель З.Г. Земская медицина на DRESDEN ской Международной гигиенической выставк / З.Г. Френкель // Отдельный оттиск из «Календаря для врачей всех ведомств» на 1912 год, ч. II. – СПб.: К.Л. Риккер, 1912. – С. 163–181.
5. Загряцков М.Д. Земство и демократия. Зачем земство нужно народу? / М.Д. Загряцков. – Москва: «Начало», 1917. – 47 с.
6. Блинов Н.Н. Земство за полвѣка. 1864–1914 / Н.Н. Блинов. – Сарapul: Типография Н.Я. Улыбина, 1914. – 27 с.

REFERENCES

1. Shcherbo A.P. *Zaharij Grigor'evich Frenkel'. Zhizn' dlinoyu v vek* [Zachary G. Frenkel. A century-long life]. St. Petersburg, SPb MAPO, 2009. 584 p. (in Russian).
2. Frenkel Z.G. *Zapiski i vospominaniya o projdennom zhiznennom puti* [Notes and memories of the passed life path]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2009. 696 p. (in Russian).
3. Shcherbo A.P. Our contemporary Zakhar Frenkel – the ascetic of people's self-government (to his article in "The Times"). *Akademik AMN SSSR Zaharij Grigor'evich Frenkel'. 140 let so dnya rozhdeniya: materialy memorial'noj nauchnoj konferencii 18 dekabrya 2009 goda* [Academician of the USSR Academy of Medical Sciences Zakhari G. Frenkel. 140th Birth Anniversary: Materials of the Memorial Scientific Conference on December 18, 2009]. St. Petersburg, SPb MAPO, 2009, pp. 7–9 (in Russian).
4. Frenkel Z. G. Zemstvo s medicine at the Dresden International Hygienic Exhibition. *Otdel'nyj ottisk iz «Kalendarya dlya vrachej vsekh vedomstv» na 1912 god, Ch. II* [A Separate Reprint from the "Calendar for Physicians of All Departments" for 1912, Part II]. St. Petersburg, K.L. Rikker, 1912, pp. 163–181 (in Russian).
5. Zagryatskov M.D. *Zemstvo i demokratiya. Zachem zemstvo nuzhno narodu?* [Zemstvo and democracy. Why do the people need the Zemstvo?] Moscow, Nachalo, 1917. 47 p. (in Russian).
6. Blinov N.N. *Zemstvo za polveka. 1864–1914* [Zemstvo for half a century. 1864-1914]. Sarapul, typography N.Ya. Ulybina, 1914. 27 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербо Александр Павлович – профессор-консультант кафедры коммунальной гигиены, Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ashcherbo@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6059-4758
Author ID 706331

AUTHOR

Alexander Shcherbo – professor-consultant of the Department of Municipal Hygiene, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Doctor habil. in Medicine, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ashcherbo@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6059-4758
Author ID 706331